

К 105-летию со дня рождения Михаила Александровича Шолохова

ВЛАДИМИР НЕВЕРОВ

профессор МГУТУ

В ПОЛУАРМЕЙСКОМ ПОХОДНОМ ОДЕЯНИИ

Став студентом МГУ, я за четыре года проживания в общежитии на Стромынке в 1949–1953 гг. увидел, пожалуй, всех видных деятелей культуры. Скажу прямо, избалованы были студенты общежития меценатством знаменитостей. Вспомнилось, как великий музыкант Давид Ойстрах со сцены незаполненного в клубе зала раздосадованно произнес: “А вот в Японии билеты на мои концерты разыгрывались по лотерее”. Культурное шефство над студенчеством МГУ осуществляли и ведущие театры: Большой, Малый, Консерватория. Часто в профкомы факультетов поступали от этих прославленных коллективов бесплатные контрамарки. Нередко по окончании занятий в МГУ в вечерние часы отправлялся я на галёрки тех театров.

Были приглашения и в Дом литераторов на творческие вечера поэтов и писателей. Там мне довелось побывать в дни торжеств в связи с 70-летием И. В. Сталина. Помню, как взволнованный самим общественным событием, разглядываю я в фойе дома литераторов лица писателей, которые запомнились по фотографиям из их книг, газет и журналов. Но особо запечатлелась встреча с М. А. Шолоховым. В одном из проходных коридоров я прямо замер от наваждения, когда увидел спину человека, сзади напоминавшего моего отца в его обыденной для совслужащего экипировке: в начищенных хромовых сапогах, синих суконных галифе, зеленой шерстяной гимнастёрке, подпоясанной командирским ремнём, ростом невысокого, худощавой комплекции. Нагло подошёл я сбоку к личности в военизированном обмундировании, и радостная дрожь заколотила мое тело. В двух шагах от самого Шолохова глазел я на того, кого с детства осознал как живого гения. Он громким хрипловатым голосом разговаривал, похоже, дискутировал, с каким-то чванливого вида типом, не обращая внимания на зевак, подобных мне.

Начались торжества. Знаменитости расселись в президиуме. Все как в униформе, они были облачены в чёрные костюмы из добротной шерстяной ткани; на каждом – белоснежная сорочка, модный галстук. Чужеродным пришельцем выглядел М. А. Шолохов среди того напыщенного синклита в своём полуармейском – походном одеянии. Торжества открыл известный поэт Алексей Сурков. Удивило меня то, что политически ответственное мероприятие он повёл, не заглядывая в какой-либо текст. Конечно, сейчас с пониманием могу сказать, что только умный выдающийся оратор мог так блестяще подготовиться, свободно и легко демонстрировать красоту русской речи, не допуская никаких газетных штампов. Сурков не дал повода сравнить его со свадебным тамадой, он задал этически интеллигентную тональность для выступлений писательской братии.

Зачитываемые видными писателями их пятиминутные приветственные сочинения были настолько литературно отшлифованными, взвешенно наполненными эпитетами и метафорами, что все речения с выражениями уважения, любви и преданности Сталину сливались в стройный поток благостного художественного действия, от которого в памяти ничего не осталось. Может, только Константин Симонов и Илья Эренбург выделялись “красивостью” фразеологии. А вот оригиналом на тех торжествах оказался М. А. Шолохов. Мало того, что он контрастно выделялся по одеянию среди сидящих в президиуме. Он не стал зачитывать текст своего выступления. Речистый Алексей Сурков как-то смущённо, стоя у трибуны, заявил, что слово предоставляется Михаилу Александровичу Шолохову, но у него болит горло и текст его выступления будет зачитан. Не помню, кто огласил шолоховское приветственное сочинение. Я не мог вникать в содержание, придавленный осознанием необычности случая, ведь видел Шолохова, вполне нормально разговаривающим с кем-то перед началом торжеств. Казалось, ну пусть с хрипотцой, но под микрофон кратко высказаться было можно. Да и народ в зале жаждал услышать живое слово великого писателя.

Долго после того случая я размышлял: “Вот прознает Сталин о том, как “инженеры человеческих душ” отмечали его юбилей в доме литераторов. А вдруг уразумеет, что даже на торжественном собрании проявилась “шолоховская ершистская выходка”. Думается, что М. А. Шолохов не оригинальничал, его натуре претило малейшее лицедейство, духовно он не мог настроиться на мажорную тональность сладкоголосого хора собратьев по перу и почувствовал, что не получится у его речи искреннего звучания, поэтому нашёл предлог лично промолчать. А может, великий писатель под воздействием всенародного почтения уже уверовал в свою гениальность настолько, что не обращал внимания на казённый официальный этикет, да и нашёптывания на него “вождю народов”. Ведь записал в своих мемуарах Ю. А. Жданов (бывший зять Сталина), что в диспуте среди друзей М. А. Шолохов, осерчав на тех, бросил фразу: “Вы все уйдёте, а я вечен”. Да, роман-эпопею “Тихий Дон” оставил людям гений; видимо, судить такого властен только Бог.